

С точки зрения обвинения: ДЕЛЕЦ И ЦИННИК, РАСЧЕТЛИВЫЙ И КОВАРНЫЙ. В феврале 1985 года в Театр имени М. Н. Ермоловой пришел новый главный режиссер Валерий Фокин. Он не был «назначен сверху», театр сам пригласил молодого и, как тогда думалось, перспективного режиссера из «Современника», дабы он вывел театр на новый виток творческого пути, сделал еще более достойным своего имени (почти цитирую письмо артистов — противников Фокина, посланное ими в разные инстанции и газеты — Ю. Г.).

Первый же спектакль Фокина «Говори...» (по «Районным будням» Валентина Овечкина) вызвал эйфорию у зрителей и критики. Еще больший успех был у «Спортивных сцен 1981 года». Главные роли играли пришедшие в театр вместе с Фокином известные артисты Татьяна Догилева, Виктор Павлов, Олег Меньшиков и приглашенная на роль Татьяна Доронина. В дальнейшем подобное распределение ролей станет принципом.

С этого и начинаются обвинения. Основных, как увидим, пять.

Обвинение первое: стало очевидно, что режиссер пришел в театр, не любя его труппу, его традиции. Ермоловцы для него — люди второго сорта.

Обвинение второе: Фокин оказался творчески несостоятелен и корыстен. Вслед за громкими премьерами он поставил всего два спектакля: «Второй год свободы» и — на малой сцене — «Приглашение на казнь» по Набокову. В этом сезоне он сделал другую редакцию «Приглашения на казнь» — и все. Да и мыслим ли? Секретарь СТД и т. д. и т. д...

Зато успел (обвинение третье) сорудить один спектакль в США и два в Японии. Поставил Вамилова, который не повредил бы и нам, «Бесноватую» (по «Идиоту» Достоевского). У себя в театре он ее все никак толком не начнет, а вот в Японии закончить силы и время нашел.

Наконец (для начала), обвинение четвертое: Фокин запускал в театре (сам или руками других режиссеров) только спектакли мрачные, вроде бы обнажающие язвы общества, а на деле унижающие человека, природа которого будто бы скверна, душа черна, помыслы убоги и развратны. Сплошь насилие, тюремы, падшие женщины. Кстати, и «Бесноватая» — не слишком ли странное название для спектакля по Достоевскому? (Оставим пока без комментариев. Не будем спешить. Мы еще не подошли к главному конфликту и главной драке. У нас еще полным-полно действующих лиц.)

Свидетели обвинения. Из выступления на собрании 14 марта 1990 г. «Вы, Валерий Владимирович, не лидер, а могли бы им стать, но не захотели».

«Отчего в стране выясняют, что русский, кто еврей? Оттого, что ничего есть. Отчего у нас склоняют? Оттого, что нет репретуара».

«Приведены фамилии артистов, игравших главные роли». Это совершил свой театр Фокина, который можно было открыть в другом месте. При таком подходе к делу не надо было брать эту труппу. Вас замечательно поздравил Смехов: поздравляем Валерия Владимировича с такой хорошей коробкой. Вот вы и относитесь ко всему здесь, как к коробке, да еще старой, которую надо сломать, и совсем забыть со своими соратниками, что нам этот дом и наша семья дороги».

Свидетели защиты. Артист А. А. Истоки конфликта — в личных амбициях. Время идет, кто-то играет у Фокина мало, кто-то не то, что хочет... Кроме нескольких артистов (прежде всего Архангельской и Зайцев), это серединка часть труппы. «Серье». Хотят, чтобы это был их театр. Я в ермоловском давно, пришел малчиком, таких дел на моих глазах не было. Грубость — признак творческой слабости. У нас больше хороших артистов, вот те и грубы.

Противники Фокина начали повсюду говорить, что в гостинич-

но-развлекательном комплексе, которым станет центр, они все будут не нужны, их вышвырнут на улицу. Страсти раскалили интервью Фокина, в которых он повторял, что мечтает не о постоянной, а о контрактной труппе. «Лит. Россия», выступившая 30 марта с позиций артистов-противоборцев, думают, точно выразила их точку зрения: «Труппа — всегда сложная семья. И в семье, чтобы держать ее здоровой телом и духом, главе семьи нужно много отдавать... Этого-то Фокину надо и не нужно. Он не строит театр-дом... направленность на коммерческий спрос неумолимо превращает и режиссера Фокина в режиссера-потребителя. Просите взять «головного» артиста с именем, а вместо кирпичной труппы-семьи сработать конверт звезд».

Из беседы с В. Фокиным

— Никуда не деться: на Прокурина, Догилеву, Якута, Гердта ходят, а на (фамилии артистов) не идут. Зато когда на худсовете я говорю: давайте заплатим хорошую премию Догилевой и Прокурину, они все-таки тащат репертуар, мне отвечают: нет, всем дадим премию, хоть и по пять рублей.

«Вы нам дайте роли — и на нас будут ходить...» Это чисто актерская психология. И ничего тут не сделать. Кажется, Бивен сказал, что театр — это клиника.

С точки зрения обвинения: ОТЕЛЬ ВМЕСТО ТЕАТРА? Далее начинаются события, которые сжимают пружину интриги до предела. Вскоре по приходе Фокин предложил построить на базе ермоловского театрально-культурный центр. Прежний Моссовет согласился отселить организации, делящие с театром большой старый дом почти напротив Кремля, рядом с башней «Националья», и отдать театру здание для переделки.

Предполагались три сцены (для ермоловцев, для «свободного театра» со «свободной труппой» и для театра-студии), видеocентр с видеотеатром, театральные музеи, кафе, пресс-центр, библиотека и пр. Так вот.

Обвинение пятое и главное: как утверждают противники Фокина, тайно, неслышно, за их спиной идею центра полностью видоизменили. Погуляв недадное, они стали «копать» (буквально!) На собрании один из них воскликнет: «Думаете, легко доставать каждый документ, каждую бумажку! Ведь это детективная история!» Да и Фокин скажет мне не без тайной иронии: «Они, между прочим, огромную энергетическую работу проделали! Потратили целый сезон...», долго копали — и докопались. Есть уже, оказывается, проект «градостроительно-средовой концепции развития» культурного центра с планами на английском языке для иностранных, где будущий центр обозначен как «Hotel Ермолова», и там, действительно все что угодно: «пятизвездочная» вилочная гостиница, подземный автопаркинг, казино, ночные бары, дискотеки, магазины... Среди этого — три театральных зала. Владельцы должны стать совместное предприятие. «Это пока прикидки, это фантазия», — сказали артистам. Фокин потом и мне подтвердит: «Конечно же, это был эскиз. Неужели они думают, что кто-нибудь позволит просто так взять и переделать здание на улице Горького? Надо пройти градостроительный совет и т. д. — тысячу инстанций!» Артисты, однако, не поверили.

Так летом 1989-го в театре началась окончательный раскол. Второй в Москве — после недавнего мхатовского. Когда-то слова «МХАТ 2-й» означали театр, теперь «МХАТ 2-й» — конфликт. Жди 3-го, 4-го, 5-го... Труппа поделилась почти ровно на две. «За» Фокина — пополам «новые» и «старые» ермоловцы. «Против» — сплошь актеры из старой труппы.

Противники Фокина начали по-

всю говорить, что в гостинич-

но-развлекательном комплексе, который станет центр, они все будут не нужны, их вышвырнут на улицу. Страсти раскалили интервью Фокина, в которых он повторял, что мечтает не о постоянной, а о контрактной труппе. «Лит. Россия», выступившая 30 марта с позиций артистов-противоборцев, думают, точно выразила их точку зрения: «Труппа — всегда сложная семья. И в семье, чтобы держать ее здоровой телом и духом, главе семьи нужно много отдавать... Этого-то Фокину надо и не нужно. Он не строит театр-дом... направленность на коммерческий спрос неумолимо превращает и режиссера Фокина в режиссера-потребителя. Просите взять «головного» артиста с именем, а вместо кирпичной труппы-семьи сработать конверт звезд».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

едет в Италию!.. Драма достигла кульминации.

Свидетели обвинения. Из диалога с артистом В. В. и артисткой Г. Г.:

— Возможно ли примирение?

— Нет. Выясняется, что нет.

— Хорошо! Но ведь Фокин не уйдет из театра!

— Почему? Театр ему не нужен. Он не имеет права им руководить. Делайте центр, но не здесь. Оставьте театр!

— У вас есть лидер?

— Мы собираемся приглашать режиссеров на постановку. Сезон приступим, а там, возможно, и позовем ноготь из режиссеров главным.

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29 марта: «Театр имени М. Н. Ермоловой (...) доведен почти до полного разрушения (...) находится на краю гибели (...) такого творческого застоя, как в последнее время не переживал никогда».

Из письма в «Экране и сцене» от 29